E 83
145

ЭБ

2007056174

С83
145.

БИБЛІОТЕКА

ЭТНОГРАФІЯ И ПРАВО.

По своему направляющему значенію для жизни, право соприкасается всѣмъ наукамъ, имѣющимъ предметомъ своимъ изслѣдованія о человѣкѣ. Ничто человѣческое не чуждо ему. Охраняя жизнь въ ея формахъ достиженія блага, право не можетъ оставаться только отвлеченною идеей, а неразрывно связано съ жизнью, со всѣми ея явленіями. Тотъ не юристъ, кто не способенъ понять дѣйствительности и ограничивается отвлеченными умствованіями о правѣ; только путемъ наблюденія наука права можетъ освободиться отъ безплоднаго формализма логическихъ построеній. Она обновлялась и почерпала всегда новыя силы отъ соприкосновенія съ другими науками, имѣющими предметомъ своимъ природу человѣка и его общественный бытъ.

Исторія уже оказала свою дѣятельную и плодотворную помощь наукѣ о правѣ. Въ послѣднее время всѣми сознается связь права съ политическою экономіей, такъ что многіе затрудняются въ проведеніи границы между областями обѣихъ наукъ. Повидимому, теперь наступила очередь естественныхъ наукъ; необходимо опредѣлить точнѣе, въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ ученію о правѣ, что между ними общаго и въ чемъ состоитъ ихъ различіе.

Наука о правѣ уже усвоила себѣ тотъ методъ изслѣдованія, который до сихъ поръ считался исключительно принадлежащимъ естествознанію; понятіе объ обществѣ, какъ о живомъ организмѣ, навело на мысль отыскивать въ немъ тѣ же отправленія, какія существуютъ въ физіологической сторонѣ человѣка; проводится параллель между нравственными явленіями и естественными (Левенгардтъ); юристы говорятъ объ анатоміи права, о физіологіи общества и тому под.

При такомъ направленіи науки, вопросъ объ отношеніи права къ антропологіи и этнографіи долженъ былъ возникнуть снова, и предстоящая этнографическая выставка послужитъ отчасти къ его разрѣшенію. Одежда, домашняя утварь, картина свадебныхъ обрядовъ, даже скелеты наглядно возбудятъ въ юристѣ представленіе о формахъ юридическаго быта различныхъ племенъ; онъ увидитъ, на сколько богатый матеріалъ этнографіи можетъ объяснить разнообразіе и сходство въ юридическихъ институтахъ.

Съ своей стороны я считаю нелишнимъ предварительно указать на тѣ пункты, въ которыхъ антропологія и этнографія сходятся и расходятся съ правомъ и напомнить о сдѣланныхъ уже попыткахъ закрѣпить связь между этими науками.

—

Вопросъ о человѣческихъ породахъ, составляющій предметъ антропологіи, не остался чуждымъ наукѣ о правѣ и обществѣ. Первые торговцы Неграми, американскіе плантаторы и даже многіе европейскіе публицисты основывали господствующее и подчиненное положеніе народовъ на различномъ устройствѣ ихъ черепа и скелета, на качествѣ ихъ кожи, цвѣтѣ волосъ и проч.; по ихъ мнѣнію, соціальное положеніе расы опредѣляется непреложно ея внѣшними признаками; явилось ученіе о проклятыхъ породахъ, о законности рабства вслѣдствіе тѣлесныхъ свойствъ племени. Этотъ фаталистическій взглядъ на общественное положеніе лицъ находитъ защитниковъ и въ настоящее время. Еще недавно въ журналѣ лондонскаго антропологическаго общества доказывалось, что положеніе рабовъ условливается ихъ породою: «общественное положеніе раба, сказано въ Antropological Review (1866, apr., p. 125), какъ во время рабства, такъ и послѣ эманципаціи, опредѣляется отношеніемъ его породы къ породѣ господина, кто не сознаетъ этой истины, тому нужно поучиться не только антропологіи, но и исторіи»; въ другомъ мѣстѣ авторъ отрицаетъ равенство даже тѣхъ племенъ, которыя служатъ представителями цивилизаціи: «неужели, говоритъ онъ, Тевтоны, Кельты и Славяне одинаково способны пріобрѣсти свободу и пользоваться ею (ibid. p. 127)?»

Еслибъ всѣ антропологи придерживались такого взгляда, то наукѣ о правѣ пришлось бы объявить рѣшительный разрывъ и борьбу съ антропологіей: связь между ними противорѣчила бы тому призванію, которое должно было исполнить и дѣйствительно исполнило право, охраняющее всѣмъ равно блага общественной жизни, чуждое понятія о породахъ, вызывающее свободу человѣческаго духа. Но въ области самой антропологіи анатомическая школа Блуменбаха вызвала протестъ: въ основу различія человѣческихъ расъ стали полагать не тѣлесныя особенности, а языкъ или первовачальное мѣсто жительство; большинство антропологовъ принадлежитъ или къ лингвистической школѣ (Притчардъ, Джонсъ, Шлейхеръ), или къ географической (Агассизъ). «Понятія о расахъ, говоритъ Мюллеръ (Geogr. Iahrbuch von Behm, 1866, p. 484) такъ неопредѣленны, что на основаніи ихъ нельзя создать науки. Изъ горячихъ споровъ, которые издавна ведутъ между собою антропологи, оказывается что вопросъ остается далеко неразъясненнымъ. Многіе серіозные изслѣдователи утверждаютъ, что породы не суть первоначальныя и неизмѣнныя явленія, но являются результатами климата, образа жизни и другихъ условій, зависящихъ отъ природы и отъ измѣняющихся человѣческихъ отношеній.»

Такимъ образомъ антропологія въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей сливается съ этнографіей. Сочиненіе Вайтца, не смотря на свое заглавіе, столько же относится къ антропологіи, какъ и къ праву; отвергая фаталистическій приговоръ надъ народами, авторъ начерталъ картину первыхъ зачатковъ цивилизаціи, первыхъ общественныхъ учрежденій и первыхъ юридическихъ институтовъ; въ Антропологіи Вайтца занимаютъ видное мѣсто указанія на семейное право, собственность, договоры, наслѣдство, судопроизводство, потому что безъ этихъ указаній картина жизни пер-

вобытныхъ народовъ была бы неполною и многое осталось бы не понятнымъ. По словамъ одного ученаго (Зелигманъ въ Geogr. Jahrb. p. 427), «научная антропологія имѣетъ задачею не только описаніе и изслѣдованіе отличительныхъ признаковъ породъ, но и объясненіе ихъ изъ опредѣленныхъ условій, отысканіе законовъ для нихъ.» Въ ряду этихъ условій безспорно значительная доля принадлежитъ юридическимъ формамъ быта, а потому антропологія должна по необходимости, вмѣстѣ съ этнографіей, воспользоваться выводами науки о правѣ.

Что касается до того содѣйствія, которое этнографическія изслѣдованія могутъ оказать юристамъ, то сознаніе о немъ существовало постоянно. Разрѣшенія вопросовъ объ особенныхъ формахъ права у разныхъ народовъ искали въ естественныхъ условіяхъ, при которыхъ слагается общественный порядокъ; этимъ условіямъ придавали нерѣдко слишкомъ большое значеніе, впадали иногда въ крайность и забывали вовсе творческую силу права.

Отправляясь отъ того вѣрнаго положенія, что всѣ явленія жизни не случайны, а имѣютъ свое основаніе, еще древніе искали этого основанія для права въ непреложномъ и неизмѣнномъ вліяніи внѣшней природы. Такимъ неизмѣняющимся условіемъ прежде всего представлялся климатъ. Иппократъ и Діодоръ Сицилійскій, Боденъ, Вико, Монтескье и Бокль старались объяснить климатическимъ вліяніемъ разнообразіе права, общественнаго быта и учрежденій. Рабство, значеніе семейства, труда и признаніе личности ставились въ прямую зависимость отъ климата. Особенно подробно говоритъ объ этомъ Монтескье, посвятившій вопросу о вліяніи климата на законодательство книги 14—18 своего сочиненія Esprit des lois.

Монтескьё указалъ на нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ юридическіе институты и обычаи объясняются безусловнымъ подчиненіемъ человѣка природѣ; по его словамъ, въ жаркомъ климатѣ la nature a une force et la morale une faiblesse; инстинкты имѣютъ здѣсь непреодолимую силу, тогда какъ въ странахъ умѣренныхъ самодѣятельность лица получаетъ большее значеніе. Примѣры, приводимые Монтескьё, выбраны наудачу; нѣкоторые изъ нихъ отличаются остроуміемъ и наблюдательностью, другіе грѣшатъ крайностью: такъ, онъ считаетъ пьянство необходимымъ явленіемъ на сѣверѣ и старается исключительно климатическими условіями объяснить положеніе женщины. По его словамъ, въ жаркихъ странахъ женщины достигаютъ физической зрѣлости 8—10 лѣтъ отъ роду; онѣ выходятъ замужъ еще дѣтьми и старѣются въ 20 лѣтъ; поэтому сила и вліяніе красоты у нихъ не совпадаетъ съ силою ума; когда приходитъ разумъ, красота исчезаетъ, и женщины всегда остаются въ подчиненномъ положеніи; основываясь на этомъ исключительномъ вліяніи климата, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ умѣренномъ климатѣ женщины уравниваются съ мужчинами, а въ холодномъ онѣ господствуютъ, потому что неподвержены пьянству, которое составляетъ климатическую необходимость для всѣхъ мужчинъ. Впрочемъ, объясняя извѣстныя стороны быта вліяніемъ климата, Монтескьё не придаетъ этому вліянію характера безусловнаго; онъ говоритъ, что законы должны противудѣйствовать, а не потворствовать порокамъ, свойственнымъ климату; такъ, онъ порицаетъ покровительство монастырямъ въ южныхъ странахъ и хвалитъ обычай, по которому въ Китаѣ императоръ каждую весну ходитъ за плугомъ, подавая тѣмъ примѣръ трудолюбія.

По слѣдамъ Монтескьё въ новое время Бокль указалъ на экономическое вліяніе климата, который не только вызываетъ большую или меньшую энергію труда, но также опредѣляетъ постоянство занятій и привычекъ: въ холодныхъ странахъ напр. это постоянство невозможно, а потому здѣсь необходимо возникаетъ свобода труда. Бокль объясняетъ рабство климатическимъ вліяніемъ, хотя въ этомъ объясненіи не сходится съ Монтескье; по его мнѣнію, здѣсь дѣйствуетъ не столько разслабленіе силъ, сколько явленіе экономическое: на востокѣ человѣкъ нуждается въ меньшемъ количествѣ пищи, поэтому заработная плата здѣсь очень низка и положеніе рабочихъ переходитъ въ рабство; въ Европѣ напротивъ, вслѣдствіе высшей заработной платы, распредѣленіе богатства болѣе равномѣрно, а потому личная независимость обезпечивается вѣрнѣе (Hist. of civilization, I. 59).

Въ связи съ климатическими условіями ставилось свойство почвы, географическое положеніе страны, преимущественное занятіе земледѣліемъ или торговлею, развитіе селъ или городовъ и проч. Юристы и политики видѣли извѣстное соотвѣтствіе между этими явленіями и правомъ, но по необходимости должны были останавливаться на объясненіи ближайшихъ причинъ, не приходя ни къ какому теоретическому выводу. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было допустить непреложность вліяній внѣшней природы уже потому, что извѣстныя причины производили неодинаковыя послѣдствія: на одной и той же почвѣ, при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ могла существовать свободная Греція и деспотическая Турція; на римскомъ форумѣ происходили историческія явленія столь разнообразныя, что никто не рѣшался вѣрить, чтобъ ихъ освѣщало одно солнце; почва земли измѣнялась подъ руками человѣка, и самъ Монтескьё, указывавшій на вліяніе климата, въ другомъ мѣстѣ пришелъ къ заключенію, что земледѣліе процвѣтаетъ не въ той мѣрѣ, въ какой страна одарена отъ природы, а въ мѣрѣ своей свободы: Голландія и Англія далеко опередили въ этомъ отношеніи Италію и Испанію. Вѣра въ возможность нравственнаго усовершенствованія не могла примириться съ роковымъ вліяніемъ природы, осуждающей будто бы цѣлый народъ на опредѣленную и неподвижную общественную форму.

Выше внѣшней обстановки и вліяній необходимо было признать новую силу, которая творитъ право и овладѣваетъ природою.

Такою силою признанъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія народный духъ или геній, свойственный извѣстному племени и проявляющій себя въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Боппъ и братья Гриммы, Савиньи и Эйхгорнъ въ разныхъ областяхъ народной жизни отыскивали выраженія этого духа въ данное время; новѣйшіе изслѣдователи продолжаютъ и теперь эту работу: Лазарусъ, Михаэлисъ предприняли изданіе двухъ журналовъ, съ цѣлью разъяснить народную психологію и такъ-называемую культурную исторію. Всякое проявленіе народной жизни получило смыслъ и для этнографа и для юриста; народные обычаи, пословицы, преданіе сдѣлались предметомъ уваженія; право поставлено было въ связи со всею народною жизнью, и видимымъ, наглядымъ выраженіемъ этой связи сдѣлались присяжные и представители, призванные къ участію въ составленіи законовъ. Результаты новаго направленія оказались въ высшей степени плодотворны и для науки и для жизни. Право перестало являться произвольнымъ философскимъ началомъ; этнографія не ограничивалась болѣе указаніемъ на непреложные законы природы; объ нау-

ки нашли общую почву—жизнь народа въ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Нерѣдко одна, по видимому, мелкая черта народныхъ нравовъ объясняла многое; постройки, домашняя утварь, имя напоминаютъ о правѣ и юридическихъ институтахъ.

Для примѣра можно привести способъ постройки деревень у разныхъ народовъ, въ которомъ отражаются формы собственности отдѣльной, общинной и родовой. Такъ, въ Германіи деревни имѣютъ видъ отдѣльныхъ домовъ и усадебъ, между которыми находится пашня; наши славянскія села представляютъ собою тѣсно сплоченныя усадьбы, за которыми тянутся поля и луга; въ Индіи всѣ дома строятся подъ одною сплошною кровлею, такъ что цѣлая деревня кажетъ видъ одного зданія съ многочисленными пристройками. Конечно, не эта форма поселеній имѣла вліяніе на понятіе о собственности; она была только внѣшнимъ воспроизведеніемъ того, что̀ заключается въ сознаніи народа: этнографъ воспользуется этимъ указаніемъ такъ же, какъ и юристъ для объясненія народной особенности, — но ни тотъ, ни другой не примутъ послѣдствіе за причину. Кому неизвѣстно, что великолѣпная ратуша въ старыхъ городахъ служитъ признакомъ развитаго муниципальнаго устройства, а развалины замка или тщательно-поддерживаемой готической замокъ означаютъ, что въ странѣ существуетъ аристократія? Это — особенности народа, этнографическія и юридическія, указатели быта, но не его источникъ и сила. Построить ратушу или замокъ не значитъ укоренить муниципальное управленіе или аристократію въ странѣ. Громадныя казенныя зданія въ столицахъ указываютъ на централизованное государственное управленіе; но самоуправленіе достигается не разрушеніемъ этихъ зданій, а законодательствомъ.

То же самое можно сказать и о другихъ явленіяхъ народной жизни, объясняющихъ право, но также вызванныхъ правомъ. Народный духъ, первый источникъ того, что̀ доступно нашему наблюденію, представляется неразгаданною таинственною силою: онъ самъ видоизмѣняется и образуется при различныхъ вліяніяхъ и принужденъ отстаивать себя, облекаясь боевыми доспѣхами національности. Языкъ, нравы и обычаи указываютъ намъ на извѣстныя понятія, но понятія измѣняются, выясняются; мы отыскиваемъ въ народѣ его особенности, дѣйствующее въ немъ право, но не можемъ сказать, чтобы то, что̀ мы нашли, было послѣднимъ словомъ науки и жизни. И если этнографія можетъ довольствоваться существующими проявленіями народнаго духа, то право не останавливается на немъ, а ищетъ вѣчныхъ законовъ справедливости.

Можно бы привéсти множество примѣровъ тому, что извѣстная форма быта и права измѣнялась и что право не можетъ оставаться пассивнымъ отраженіемъ того, что̀ существуетъ въ дѣйствительности. Изслѣдователи явленій народнаго духа придаютъ имъ слишкомъ большое значеніе въ области права. Такъ, говорятъ, что одни народы одарены способностью къ городской жизни, другіе осуждены жить въ селахъ; Галлы напр., подобно древнимъ Грекамъ, съ перваго раза образовали крѣпкіе города, тогда какъ Германцы и Славяне по преимуществу сельскіе жители: Лонгобарды, Бургунды и Готы не строили въ Галліи новыхъ городовъ, нашли ихъ готовыми, въ Германіи же города основывались съ большимъ трудомъ, по приказанію, насильственно. Отъ этой прирожденной способности заключаютъ объ общественной формѣ. Горожане по преимуществу отличаются демократическимъ направленіемъ, сель-

чане же суть консерваторы и вызываютъ земледѣльческую аристократію. У городскихъ жителей собственность простирается на всякаго рода имущество, bona, biens; у насъ «имѣніе», у Нѣмцевъ Gut означаетъ исключительно землю. Далѣе, въ селахъ встрѣчаются чаще всего преступленія противъ лица, въ городахъ — противъ собственности; у народа земледѣльческаго, при его бѣдности, преобладаютъ тѣлесныя наказанія, съ которыми соединяются отсутствіе понятія о чести и проч.

Не отвергая правильности этихъ наблюденій, юристъ не можетъ считать ихъ для себя безусловными. Онъ скажетъ, что муниципальные законы вызвали въ Германіи города и городскую жизнь, что отмѣна тѣлеснаго наказанія вызывала понятіе о чести, что свобода труда и обмѣна увеличиваетъ богатство, которое состоитъ не въ одной землѣ, но и во всякаго рода цѣнностяхъ, что участіе въ общественныхъ дѣлахъ вызываетъ интересъ къ нимъ. И это вліяніе права неограничивается какимъ-либо народомъ, зависитъ отъ его этнографическихъ особенностей, а прилагается и оправдывается повсюду.

Между тѣмъ проявленія народнаго духа или народной жизни, повторяющіяся съ извѣстною опредѣленностью, навели многихъ на мысль, что въ нихъ выражается непреложный законъ, что свободною дѣятельностью лицъ управляетъ роковая необходимость.

Еще Савиньи признавалъ право чѣмъ-то безсознательнымъ, непреложнымъ. По его мнѣнію, право не можетъ быть измѣнено ни отдѣльнымъ лицомъ, ни даже извѣстнымъ поколѣніемъ народа: оно принадлежитъ всѣмъ преемственно-слѣдующимъ поколѣніямъ, какъ представителями народнаго духа. Настоящее обязано пассивно ожидать, чтобъ надъ нимъ выразилась сила времени, судьбы, исторіи; всякая кодификація останавливаетъ или извращаетъ такое выраженіе; право должно быть простымъ зеркаломъ народной жизни; законодатель, по выраженію Амари (Scienza delle legislaz. p. 281) есть неболѣе, какъ секретарь или регистраторъ данной эпохи.

Вслѣдствіе этого естественное право превратилось въ формулированіе того, что̀ уже существуетъ; выше всего ставилось такъ-называемое «законодательство безъ законодателя»; оно является готовымъ во всякое время, — стоитъ только наблюдать и вывести соціяльный законъ. Въ такомъ дагерротипномъ отраженіи права полагали его силу, положительность или позитивизмъ. Шарль Контъ предложилъ чисто-механическую методу составленія законовъ. По его мнѣнію, нужно расположить въ извѣстномъ порядкѣ существующія отношенія между лицами, описать условія ихъ существованія, причины и слѣдствія; законы этого существованія и составляютъ право. Это участіе послужило основаніемъ новой школы Кетле, которая въ настоящее время имѣетъ много послѣдователей.

Прилагая къ жизни теорію вѣроятности, Кетле пытался отыскать средняго нравственнаго человѣка, подобно тому, какъ существуетъ средній физическій человѣкъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что свобода отдѣльныхъ лицъ не существуетъ, такъ какъ общество непремѣнно воспроизводитъ опредѣленное количество извѣстнаго рода дѣйствій; статистика указываетъ, что въ данномъ государствѣ ежегодно совершается одинаковое число браковъ, преступленій, отправляется опредѣленное число писемъ, однимъ словомъ, — всѣ лица приближаются болѣе или менѣе къ среднему соціяльному человѣку. Эти выводы навели одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ мыслителей на грустное раздумье о томъ, что

средній человѣкъ получаетъ преобладающее значеніе, что личность и характеры блѣднѣютъ и стираются массою. Общественная физика Кетле нашла послѣдователей между юристами и привела ихъ къ такимъ построеніямъ права, въ которыхъ являются дѣйствующими не живыя лица, а отвлеченныя роковыя силы.

Но наблюденія и выводы Кетле нисколько не колеблютъ значеніе права, какъ отдѣльной нравственной силы. Они указываютъ только на то, что общественныя условія измѣняются медленно, что слѣдовательно дѣйствія, совершающіяся подъ ихъ вліяніемъ повторяются въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ и въ равномъ числѣ. Но право, законъ можетъ измѣнить это однообразіе. Если сравнить напр. количество преступленій до изданія извѣстнаго уголовнаго кодекса и послѣ него, то увидимъ значительную разницу: пониженіе почтовой таксы значительно увеличиваетъ количество писемъ, посылаемыхъ въ странѣ; законы о тарифѣ имѣютъ рѣшительное вліяніе на преступленіе контрабанды; наши новые суды окажутъ, конечно, благодѣтельное дѣйствіе на народную нравственность и проч.

Я не думаю отвергать пользу уголовной статистики; она служитъ указаніемъ на народные нравы, она объясняетъ законодателю, противъ чего слѣдуетъ бороться и что̀ нужно охранять. Изслѣдованія народной жизни, этнографическихъ и историческихъ особенностей народа даютъ матеріялъ для права, но этнографія даже и въ этомъ болѣе широкомъ значеніи не совпадаетъ съ правомъ. Если справедливо говорятъ: quid leges sine moribus, то еще съ большимъ правомъ можно сказать: quid mores sine legibus. Законодательство не есть только зеркало его быта; оно не можетъ вносить на свои скрижали все то, что̀ выражается въ жизни; оно не должно относиться безразлично къ предразсудкамъ и неправдѣ; оно не обязано быть на сторонѣ большинства; оно воспитываетъ въ народѣ чувство и сознаніе справедливости.

Проводниками лучшихъ, высшихъ началъ всегда являлись преобразователи, которые вели народъ на пути развитія посредствомъ новыхъ законовъ. На слово правды и свободы, произнесенное народными вождями, всегда откликнутся лучшіе люди, готовые послужить родной землѣ, внести новую жизнь, работать надъ улучшеніемъ нравовъ. Не этнографическія особенности, а начала правды и добра въ состояніи исполнить эту задачу.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ отъ перваго призыва русскихъ людей къ составленію Уложенія. Императрица въ своемъ Наказѣ начертала цѣлую систему законодательства, которое должно было вызвать народъ къ новой жизни. Этотъ Наказъ послужилъ италіянскому ученому Филанджіери орудіемъ противъ ученія Монтескьё о вліяніи климата. Пораженный важностью задуманнаго Екатериною дѣла, онъ указывалъ на ту великую задачу, которую должно выполнить законодательство въ странѣ, гдѣ климатъ представляетъ неблагопріятныя условія. Филанджіери, подъ впечатлѣніемъ Наказа, написалъ слѣдующее: «повидимому, скипетръ Европы, которой переходилъ отъ Испаніи къ Франціи и отъ Франціи къ Англіи, достается теперь Москвитянамъ. Они получаютъ на него право своими хорошими законами. Быть-можетъ это преимущество останется за Русскими надолго и когда-нибудь всѣ Европейцы усвоятъ себѣ законодательство этой трезвой націи. Наказъ Екатерины наводитъ на меня гораздо болѣе размышленій, чѣмъ флотъ, посланный ею въ Архипелагъ.»

Ожиданія Филанджіери не сбылись. Ни мысль императрицы о русскомъ уложеніи,

ни планы ея на Востокѣ не увѣнчались немедленнымъ успѣхомъ. Но въ жизни народа великія мысли не проходятъ безслѣдно, и отложить исполненіе не значитъ отказаться отъ него. Законодательная дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, то воспитательное значеніе, которое имѣетъ она для поднятія въ народѣ чувства нравственнаго долга и гражданской свободы служатъ ручательствомъ, что предсказаніе италіянскаго ученаго и планы великой императрицы близки къ осуществленію. Наши суды и наше земство, такъ же какъ и наша дипломатія стоятъ въ уровень съ тѣмъ завѣтомъ, который на разстояніи цѣлаго вѣка слышится громко и явственно.

М. Капустинъ.

Дозволено цензурою. Москва. Мая 4-го дня, 1868 года.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

2007056174